

Émile
ZOLA
1840 – 1902

ЭМИЛЬ
ЗОЛЯ

Тереза Ракен

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
3 81

Перевод с французского
Евгения Гунста и Тамары Ивановой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

- © Е. Гунст (наследники), перевод, 2017
- © Т. Иванова (наследник), перевод, 2017
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-13863-6

Тереза Ракен

I

В конце улицы Генего, если идти от набережной, находится пассаж Пон-Нёф — своего рода узкий, темный проход между улицами Мазарини и Сенской. Длина пассажа самое большее шагов тридцать, ширина — два шага; он вымощен желтоватыми, истертыми, разъехавшимися плитами, вечно покрытыми липкой сыростью; стеклянная его крыша, срезанная под прямым углом, совсем почернела от грязи.

В погожие летние дни, когда неумолимое солнце накаливает улицы, сюда проникает через свод грязной стеклянной крыши какой-то белесый свет, скупо разливающийся по проходу. А в ненастные зимние дни, туманными утрами, с крыши спускается на скользкие плиты густой мрак, — мрак беспросветный и гнусный.

На левой стороне пассажа ютятся сумрачные, низенькие, придавленные лавочки, из которых, как из погреба, несет сыростью. Здесь расположились букинисты, продавцы игрушек, картонажники; выставленные вещи, посеревшие от пыли, вяло дремлют в сумраке; витрины, составленные из мелких стеклышек, отбрасывают на товары расплывчатые зеленоватые отсветы; за витринами еле видны темные лавочки — какие-то мрачные каморки, в которых движутся причудливые тени.

Справа по всей длине пассажа тянется стена, на которой лавочники пристроили узкие шкафчики: здесь на тонких полочках, выкрашенных в отвратительный коричневый цвет, лежат какие-то невообразимые товары, выставленные лет двадцать тому назад. В одном из шкафов разместила свой товар торговка фальшивыми драгоценностями; она продает колечки по пятнадцать су, которые она заботливо разложила на голубом бархатном щитке в ларце из красного дерева.

Над витринами высится стена — черная, кое-как оштукатуренная, словно покрытая проказой и вся исполосованная рубцами.

Пассаж Пон-Нёф не место для прогулок. Им пользуются, только чтобы сократить дорогу, чтобы выгадать несколько минут. Тут проходят люди занятые, которым важно поскорее добраться до места. Здесь видишь подмастерьев в рабочем фартуке, мастериц с их изделиями, мужчин и женщин со свертками под мышкой; здесь видишь стариков, которые бредут в унылом сумраке, люющемся со стеклянной крыши, и ватагу ребятишек, только что вырвавшихся из школы, — они пользуются случаем пошуметь и изо всех сил топают деревянными башмачками по каменным плитам. Весь день тут не умолкает дробное постукивание торопливых шагов, и эти звуки раздражают своей беспорядочностью; никто здесь не останавливается, никто не беседует; каждый бежит по своим делам, понурив голову, торопится и даже не бросит взгляда на лавочки. Торговцы с недоумением взирают на прохожего, который чудом задержится перед их витриной.

По вечерам пассаж освещается тремя газовыми рожками, вставленными в массивные квадратные

фонари. Фонари эти, подвешенные к стеклянной крыше, бросают на нее светлые рыжеватые блики и излучают круги бледного трепещущего света, готового вот-вот померкнуть. Тогда зловещий пассаж уж совсем кажется каким-то логовом; по каменным плитам стелются длинные тени, с улицы долетают порывы сырого ветра; здесь чувствуешь себя словно в узком подземелье. Торговцы вынуждены довольствоваться слабыми отблесками фонарей, падающими на их витрины; только в лавках хозяева зажигают лампы с абажурами — они ставят их на конторку, — и тогда прохожие могут различить, что делается в этих каморках, где и среди бела дня царит ночь. В темном ряду витрин выделяется ярко освещенное окно картонажного мастера: две лампы с рефлекторами прорывают мрак желтыми язычками пламени. А по соседству свеча, воткнутая в резервуар старой лампы, зажигает яркие звездочки в ларчике с фальшивыми драгоценностями. Торговка дремлет, прикорнув в уголке своей будочки, запрятав руки под шаль.

Несколько лет назад против этой торговки находилась лавочка, сколоченная из досок и выкрашенная в бутылочно-зеленый цвет, причем из всех ее щелей просачивалась сырость. На вывеске — длинной узкой доске — черными буквами было выведено: «Галантерея», а на стеклянной двери красными буквами значилось имя: «Тереза Ракен». Справа и слева от двери виднелись глубокие витрины, выложенные синей бумагой.

Днем, в неясном полусвете, взгляд мог различить только витрину.

С одной ее стороны было выставлено немного белья: плетеные тюлевые чепцы по два и три франка,

муслиновые манжеты и воротнички, фуфайки, чулки, носки, помочи. Все эти вещи, пожелтевшие и мятые, уныло висели на железных крюках. И так вся витрина, снизу доверху, была заполнена выцветшими тряпками, принимавшими в прозрачных сумерках какой-то зловещий облик. Новые чепцы, выделяясь более яркой белизной, выступали резкими пятнами на синей бумаге, устилавшей доски. А развешенные на железном пруте цветные носки создавали темные блики на расплывчатой, белесой мути муслина.

На другой стороне, в более узкой витрине, громоздились большие клубки зеленой шерсти, черные пуговицы, нашитые на белый картон, коробки всевозможных цветов и размеров, бисерные сетки для волос, натянутые на синеватые бумажные круги, связки вязальных крючков, образцы вышивок, мотки лент, целые горы каких-то выцветших, тусклых предметов, покоившихся здесь по крайней мере пять-шесть лет. На этих полках, пропыленных и сгнивших от сырости, все некогда яркие цвета превращались в один, грязно-серый.

Летом, около полудня, когда солнце заливало площади и улицы жгучими рыжеватыми лучами, за чепчиками, выставленными в витрине, можно было разглядеть бледное и строгое лицо молодой женщины. Это лицо смутно выступало из потемок, царивших в лавке. Под низким гладким лбом вырисовывался длинный, прямой, тонкий нос; губы представляли собой две узких бледно-розовых полоски, а подбородок, короткий и энергический, соединялся с шеей гибкой, мягкой линией. Туловища не было видно — оно терялось в сумраке; виднелся только профиль — матово-бледный, с черным широко от-

крытым глазом, как бы придавленный густой темной шевелюрой. Он вырисовывался здесь часами, неподвижный и тихий, между двумя чепцами с рыжими полосками, протупившими от ржавого железного прута.

По вечерам, когда горела лампа, можно было рассмотреть и внутренность лавки. Она была широкая, но неглубокая; в одном ее конце стояла конторка, на другом виднелась винтовая лестница, которая вела в комнаты второго этажа. Вдоль стен тянулись витрины, шкафы, стопки зеленых картонок; обстановка состояла из четырех стульев и стола. Помещение казалось пустынным, холодным; товары были запакованы и сложены по углам, а не лежали на виду, радуя яркими красками.

За конторкой обычно сидели две женщины: молодая, с серьезным лицом, и пожилая, улыбавшаяся сквозь дремоту. Последней было лет шестьдесят; ее жирное, неподвижное лицо, освещенное лампой, выделялось белым пятном. Толстый полосатый кот, примостясь на конторке, наблюдал, как она спит.

Подальше на стуле сидел мужчина лет тридцати и то читал, то вполголоса разговаривал с молодой женщиной. Он был маленький, хилый, на вид болезненный; русые тусклые волосы, редкая бородка, лицо в веснушках — все в нем изобличало больного и избалованного сынка.

Незадолго до десяти пожилая женщина просыпалась. Закрывали лавку, и все семейство переходило наверх, спать. Полосатый кот плелся за хозяевами, мурлыча и почесывая голову о каждый столбик перил.

Наверху помещалась квартира из трех комнат. Лестница вела прямо в столовую, которая служила

также и гостиной. Слева, в нише, виднелась фаянсовая печь, против нее — буфет; вдоль стен стояли стулья, а посреди комнаты круглый раздвинутый стол. В глубине, за застекленной перегородкой, находилась темная кухня. По сторонам от столовой были расположены две спальни.

Пожилая женщина, пожелав сыну и невестке спокойной ночи, уходила к себе. Кот засыпал на стуле в кухне. Супруги отправлялись в спальню. В этой комнате имелась вторая дверь — на лестницу, по которой можно было спуститься в темный узкий коридор, выходящий в пассаж.

Муж, которого постоянно знобило, укладывался в постель; тем временем молодая женщина отворяла окно, чтобы закрыть ставни. Она задерживалась здесь на несколько мгновений перед высокой черной, грубо оштукатуренной стеной, которая уходила ввысь и ширилась над пассажем. Она рассеянно скользила взглядом по стене, затем тоже ложилась — молча, с пренебрежительным безразличием.

II

Прежде г-жа Ракен торговала галантереей в Верноне. Четверть века прожила она там в маленькой лавочке. Несколько лет спустя после смерти мужа она почувствовала усталость и ликвидировала дело. Благодаря сбережениям, к которым прибавились деньги, вырученные от продажи лавки, она стала обладательницей капитала в сорок тысяч франков; она поместила его в банк и получала две тысячи ренты. Этой суммы ей хватало. Она вела жизнь отшельницы, не ведая ни тревог, ни радостей, потрясаю-

щих мир; она обеспечила себе существование тихое и невозмутимо счастливое.

Она снимала за четыреста франков домик с садиком, который спускался к самому берегу Сены. Это было уединенное, укромное жилище, от которого веяло чем-то монастырским; к домику, стоявшему среди обширных пастбищ, вела узкая тропинка; окна его выходили на реку и на пустынные холмы на другом берегу. Почтенная женщина, которой к тому времени уже перевалило за пятьдесят, замкнулась в этом убежище и вкушала здесь радость безмятежной жизни в обществе сына Камилла и племянницы — Терезы.

Камиллу тогда было двадцать лет. Мать еще баловала его как ребенка. Она обожала сына, потому что ей пришлось долгие годы отвоевывать его у смерти. Мальчик переболел одной за другой всеми болезнями, какие только можно вообразить. Г-жа Ракен пятнадцать лет боролась со страшными недугами, которые являлись один за другим, чтобы отнять у нее сына. Она все их одолела благодаря своему терпению, заботливости, любви.

Спасенный от смерти подросток Камилл все еще чувствовал последствия тех постоянных опасностей, которым подверглось его здоровье. Рост его задержался, и он остался маленьким и тщедушным. Его хилые руки и ноги двигались медленно, вяло. Мать еще больше любила его из-за слабости, которая постоянно угнетала его. Она с торжествующей нежностью взирала на его бледное лицо и думала при этом, что даровала ему жизнь больше десяти раз.

Во время редких передышек, которые давала ему болезнь, он занимался в Вернонской коммерческой школе. Здесь он научился письму и счету. Вся наука

ограничилась для него четырьмя правилами арифметики и поверхностными сведениями по грамматике. Позже он брал еще уроки чистописания и счетоводства. Г-жа Ракен приходила в ужас, когда ей советовали отдать сына в коллеж, она знала, что вдали от нее он умрет, и уверяла, что книги убьют его. Камилл оставался невеждой, и это невежество делало его еще слабосильнее.

В восемнадцать лет, ничем не занятый и смертельно скучающий в атмосфере нежности, которою его окружала мать, он поступил в качестве приказчика к торговцу полотном. Он получал шестьдесят франков в месяц. У него был беспокойный нрав, и он не переносил безделья. Он чувствовал себя гораздо лучше, когда был занят одуряющей работой, когда просиживал целыми днями над огромными накладными и счетами, каждую цифру которых ему приходилось терпеливо учитывать. Вечером, разбитый, с опустошенной головой, он упивался своим отупением. Чтобы поступить к торговцу полотном, ему пришлось поссориться с матерью; ей хотелось бы всегда держать его при себе, уложенным в постель, вдали от житейских волнений. Молодой человек заговорил решительно; он требовал работы, как другие дети требуют игрушек, — не из чувства долга, а инстинктивно, по врожденной потребности. Постоянная нежность, преданность матери сделали его лютым эгоистом; он воображал, что любит тех, кто жалеет и ласкает его; в действительности же он жил замкнутой жизнью, в своем собственном мире и любил только свое благополучие, старался любимыми средствами умножить свои радости. Когда умильная привязанность матери ему прискучила, он с наслаждением бросился в бессмысленную работу, ко-

торая избавляла его от микстур и отваров. Вечерами, возвратясь из конторы, он отправлялся с кузиной Терезой на берег Сены.

Терезе шел восемнадцатый год. Однажды — семнадцать лет тому назад, когда г-жа Ракен еще держала галантерейную торговлю, — ее брат, капитан Деган, явился к ней с маленькой девочкой на руках. Он прибыл из Алжира.

— Вот ребенок, которому ты доводишься теткой, — сказал он улыбаясь. — Мать его умерла... Не знаю, куда его девать. Дарю его тебе.

Торговка взяла ребенка, улыбнулась ему, поцеловала в розовые щечки. Деган прожил в Верноне неделю. Сестра почти ничего не спросила у него относительно девочки, которую он ей вручил. Она узнала только, что милая крошка родилась в Оране и что ее мать была туземкой, женщиной редкостной красоты. За час до отъезда капитан передал сестре метрику, в которой Тереза, признанная им за родную дочь, значилась под его фамилией. Он уехал, и с тех пор его больше не видали; несколько лет спустя он был убит в Африке.

Тереза росла, окруженная нежной заботливостью тетки; спала она в одной постельке с Камиллом. Здоровье у нее было железное, но ухаживали за ней как за слабеньким ребенком, держали в жаркой комнате, где помещался маленький больной, и ей приходилось принимать все микстуры, которыми пичкали Камилла. Она часами сидела на корточках перед камином и в задумчивости, не моргая, глядела на пламя. Вынужденная жить жизнью больного, она замкнулась в самой себе, приучилась говорить вполголоса, передвигаться бесшумно, сидеть на стуле молча и неподвижно, широко раскрыв глаза и ничего не

видя. Но когда она поднимала руку, когда ступала ногой, в ней чувствовалась кошачья гибкость, подтянутые, могучие мускулы, нетронутая сила, нетронутая страсть, дремлющие в скованном теле. Однажды ее брат упал от внезапного приступа слабости; она резким движением подняла и перенесла его, и от этого усилия, давшего выход дремлющей в ней энергии, лицо у нее залилось густым румянцем. Ни затворническая жизнь, которую она вела, ни вредный режим, которому ей приходилось подчиняться, не смогли ослабить ее худого, но крепкого тела; только лицо ее приобрело бледный, желтоватый оттенок, и в тени она казалась почти что дурнушкой. Иной раз она подходила к окну и заглядывалась на дома на другой стороне улицы, застланные золотой солнечной пеленой.

Когда г-жа Ракен продала магазин и удалилась в домик у реки, в жизни Терезы появились минуты затаенной радости. Тетя так часто твердила ей: «Не шуми — сиди тихо», что все врожденные свои порывы она тщательно схоронила в глубине души. Она в высшей степени обладала хладнокровием, внешней невозмутимостью, но под ними таилась страшная горячность. Ей всегда казалось, что она в комнате кузена, возле больного ребенка; движения ее были размеренны, она большей частью молчала, была притихшей, а если говорила что-нибудь, то невнятно, по-старушечьи. Когда она впервые увидела сад, белую реку, привольные холмы, уходящие к горизонту, ею овладело дикое желание бегать и кричать; сердце бурно билось в ее груди; но на лице ее не дрогнул ни единый мускул, и на вопрос тети, нравится ли ей новое жилище, она ответила только улыбкой.

Теперь жить ей стало лучше. Она была все так же податлива, сохранила все то же спокойное, безразличное выражение лица, она по-прежнему была ребенком, выросшим в постели больного; но внутренне она зажила безудержной, буйной жизнью. Оставшись одна, в траве, на берегу реки, она, как животное, ложилась ничком на землю, широко раскрыв потемневшие глаза, извиваясь и словно готовясь к прыжку. И так она лежала часами, ни о чем не думая, отдавшись палящему солнцу и радуясь, что может перебирать руками землю. Ее обуревали безумные мечты; она с вызовом смотрела на бурлящую реку, она представляла себе, что вода вот-вот бросится, упадет на нее; тут она напрягала все силы, готовилась к защите и в гневе обдумывала, как ей одолеть стихию.

А вечером Тереза, умиротворенная и молчаливая, занималась шитьем, сидя возле тети; под мягким светом, лившимся из-под абажура, ее лицо казалось лицом спящей. Камилл, развалившись в кресле, думал о своих накладных. Безмятежность сонной комнаты только изредка нарушалась какой-нибудь фразой, произнесенной вполголоса.

Госпожа Ракен взирала на детей с небесной добротой. Она решила их поженить. С сыном она по-прежнему обращалась как с умирающим; она содрогалась при мысли, что может умереть, оставив его одиноким и больным. Но тут она возлагала все надежды на Терезу; она утешала себя тем, что девушка будет служить ему заботливой сиделкой. Племянница с ее спокойствием и молчаливой услужливостью внушала ей безграничное доверие. Она наблюдала за Терезой в трудных обстоятельствах и хотела приставить ее к сыну как ангела-хранителя. Этот

брак был заранее предвиденным, окончательным решением всех вопросов.

Дети давно знали, что со временем должны пожениться. Они выросли с этой мыслью, и она казалась им простой и естественной. В семье говорили об этом союзе как о чем-то необходимом, неизбежном. Г-жа Ракен решила: «Мы подождем, когда Терезе исполнится двадцать один год». И они ждали — терпеливо, равнодушно, без смущения. Жгучие юношеские желания Камиллу были неведомы. По отношению к кузине он все еще оставался мальчиком, он целовал ее, как целовал мать, — по привычке, и это ничуть не нарушало его эгоистического покоя. Он видел в ней ласковую подругу — с ней было не так скучно, а при надобности она же и отвар ему готовит. Когда он играл с нею, когда держал ее в руках, ему казалось, что это мальчик, — его плоть молчала. И ни разу ему не пришла в голову мысль поцеловать горячие губы Терезы, когда она отбивалась от него, заливаясь нервным смешком.

И девушка, казалось, тоже оставалась холодной и безразличной. Иной раз она останавливала на нем взгляд, и ее большие глаза несколько мгновений пристально разглядывали его с какой-то царственной невозмутимостью. И только губы ее тогда чуть-чуть вздрагивали. Ничего нельзя было прочесть на этом немом лице, которому непреклонная воля всегда придавала ласковое и внимательное выражение. Когда заходила речь о ее замужестве, Тереза становилась серьезной и лишь легкими кивками одобряла слова г-жи Ракен. А Камилл и вовсе засыпал.

Летними вечерами подростки убегали к реке. Камилла раздражали назойливые заботы матери; у него бывали бунтарские вспышки, ему хотелось бегать,

пусть даже заболеть, лишь бы избежать нежностей, от которых его тошнило. Он увлекал за собой Терезу, затевал с нею борьбу, звал ее валяться в траве. Однажды он толкнул кузину так, что она упала. Девушка мигом, словно дикий зверь, вскочила на ноги и с пылающим лицом, с глазами, налившимися кровью, кинулась на него с поднятыми кверху руками. Камилл, не защищаясь, дал повалить себя. Он испугался.

Прошли месяцы, годы. Наступил день свадьбы. Г-жа Ракен уединилась с Терезой, рассказала ей об ее родителях, рассказала историю ее рождения. Девушка выслушала тетю, потом, ни слова не сказав, поцеловала ее.

Вечером Тереза, вместо того чтобы войти в свою комнату, слева от лестницы, вошла в спальню кузена, расположенную справа. Этим и ограничились изменения, произошедшие в ее жизни в тот день. Наутро, когда молодожены спустились вниз, Камилл был все так же болезненно вял и так же эгоистически невозмутим, а Тереза была по-прежнему ласково безразлична, и лицо ее — по-прежнему непроницаемо и до жути спокойно.

III

Через неделю после свадьбы Камилл решительно заявил матери, что намерен уехать из Вернона и обосноваться в Париже. Г-жа Ракен запротестовала: жизнь ее была налажена, она не хотела никаких перемен. С Камиллом сделался нервный припадок, он пригрозил матери, что расхворается, если она не исполнит его прихоти.

— Я ведь никогда ни в чем не перечил тебе, — сказал он, — я женился на кузине, я принимал все лекарства, которыми ты пичкала меня. Так могу же я, наконец, выразить какое-то желание и надеяться, что ты уступишь мне... В конце месяца мы уедем.

Госпожа Ракен не спала всю ночь. Решение Камилла перевертывало привычное существование вверх дном, и она в отчаянии обдумывала, как устроить жизнь заново. Но мало-помалу она успокоилась. Она говорила себе, что у молодых могут появиться дети, и тогда ее маленького капитала будет недостаточно. Придется зарабатывать деньги, снова открыть торговлю, подыскать выгодное занятие Терезе. На другой день она уже свыклась с мыслью об отъезде, уже наметила план новой жизни.

За завтраком она была даже весела.

— Вот как мы поступим, — сказала она детям. — Завтра я отправлюсь в Париж; я присмотрю там какой-нибудь небольшой галантерейный магазин, и мы с Терезой опять станем торговать нитками и иглами. Мы будем при деле. А ты, Камилл, делай что тебе вздумается: хочешь — гуляй на солнышке, хочешь — поступи на службу.

— Я поступлю на службу, — ответил молодой человек.

По правде говоря, мысль о переселении возникла у Камилла только под влиянием нелепого тщелавия. Ему хотелось стать чиновником какого-нибудь крупного учреждения; когда он в мечтах представлял себя в большой конторе, с пером за ухом, с люстриновыми нарукавниками, — лицо его заливалось радостным румянцем.

С Терезой не стали советоваться: она всегда была так безвольно-послушна, что тетя и муж не находили нужным спрашивать ее мнения. Она шла, ку-

да они шли, делала то, что делали они, — без единой жалобы, без единого упрека, казалось, даже не сознавая, что переезжает на другое место.

Госпожа Ракен приехала в Париж и сразу же пошла в пассаж Пон-Нёф. Ее вернонская знакомая, некая старая дева, направила ее сюда к своей родственнице, владелице галантерейного магазина, от которого она хотела избавиться. Лавочка показалась старой торговке несколько тесной и мрачноватой; но, проезжая по Парижу, она была напугана уличным шумом, роскошью витрин, узкий же пассаж, его скромные витрины напомнили ей ее прежнюю лавку, в которой все дышало покоем. Здесь ей показалось, будто она еще в провинции; она с облегчением вздохнула, решив, что в этом укромном уголке ее дорогие дети будут счастливы. Умеренная цена предприятия развеяла последние сомнения: за него просили две тысячи франков. Арендная плата за лавку и за квартиру над ней составляла всего лишь тысячу двести франков. Г-жа Ракен, которой удалось сбечь около четырех тысяч из своей ренты, рассчитала, что сможет расплатиться за магазин и внести арендную плату за год, не трогая основного капитала. На повседневные расходы, думала она, хватит жалованья Камилла и прибыли от торговли; следовательно, ренту тратить уже не придется, и капитал станет расти для будущих внуков.

В Вернон она вернулась сияющая; она объявила, что отыскала жемчужину, восхитительный уголок, в самом центре Парижа. Мало-помалу, в вечерних беседах, убогая темная лавочка превратилась в дворец; несколько дней спустя она уже представлялась г-же Ракен, сквозь дымку воспоминаний, удобным, просторным, спокойным магазином, обладающим тысячью неоценимых достоинств.

— Ах, милая моя Тереза, — говорила она, — вот увидишь, как мы с тобой будем счастливы в этом уголке! Наверху три прекрасные комнаты. В пассаже множество народу... Мы будем устраивать прелестные выставки... Помяни мое слово — скучать не придется.

И она болтала без умолку. В ней проснулась старая лавочница; она заранее давала Терезе советы насчет продажи, насчет закупок, насчет разных плутней мелочной торговли. Наконец семья покинула домик на берегу Сены; вечером того же дня она водворилась в пассаже Пон-Нёф.

Когда Тереза в первый раз вошла в лавку, где ей отныне предстояло проводить дни, ей показалось, будто она спускается в сырую могилу. Тошнотворное ощущение подступило ей к горлу, тело содрогалось от ужаса. Она взглянула на грязную, сырую галерею, зашла в магазин, поднялась на второй этаж, обошла все помещение; от голых комнат, без мебели, веяло ужасом одиночества и запустения. У молодой женщины не вырвалось ни единого жеста, не нашлось ни единого слова. Она как бы оледенела. Тетя и муж спустились вниз, а она села на чемодан, опустила руки и даже не в силах была заплакать, хотя в груди ее клокотали рыдания.

Оказавшись лицом к лицу с действительностью, г-жа Ракен почувствовала себя неловко; ей было стыдно, что она так размечталась. Она всячески старалась оправдать покупку. Она сразу же придумывала, как исправить тот или иной недостаток; темноту в квартире она объясняла тем, что погода пасмурная, и в заключение уверяла, что стоит только слегка подмести помещение — и все будет в порядке.

— Ничего! — отвечал Камилл. — Все это вполне прилично... К тому же наверху мы будем только по

вечерам. Что касается меня — я буду возвращаться не раньше пяти-шести часов... А вы будете вместе, скучать вам не придется.

Молодой человек ни за что не согласился бы жить в такой конуре, если бы не рассчитывал на сладостное пребывание в конторе. Он говорил себе, что на службе ему весь день будет тепло, а придя домой, он будет сразу же ложиться спать.

Целую неделю в лавке и в квартире царил беспорядок. Тереза с первого же дня уселась за конторку и уже не сходила с места. Ее удрученное состояние очень удивляло г-жу Ракен; она рассчитывала, что молодая женщина постарается приукрасить свою квартиру, поставит на окна цветы, попросит, чтобы комнаты заново оклеили, чтобы купили гардины, ковры. Когда г-жа Ракен предлагала что-нибудь переделать, улучшить, племянница спокойно отвечала:

— Зачем? Нам и так хорошо, роскошь нам ни к чему.

Госпоже Ракен пришлось самой обставить комнаты и навести порядок в лавке. Видя, что тетка с утра до ночи вертится у нее перед глазами, Тереза в конце концов стала выходить из терпения; она наняла прислугу и заставила тетю сидеть возле себя.

Больше месяца Камиллу не удавалось найти службу. Он как можно меньше бывал в лавке и с утра до ночи слонялся без дела. Это ему до такой степени наскучило, что он даже заикнулся, не вернуться ли в Вернон. Наконец ему досталась должность в управлении Орлеанской железной дороги, с окладом в сто франков в месяц. Мечта его осуществилась.

Он отправлялся из дому в восемь часов утра. Он шел по улице Генего и выходил на набережную. Затем, от Академии до Ботанического сада, он шагал, заложив руки в карманы, вдоль Сены. Этот долгий

путь, который он совершал дважды в день, никогда не надоедал ему. Он наблюдал, как течет вода, останавливался, чтобы посмотреть, как вниз по течению тянутся баржи, груженные лесом. Он ни о чем не думал. Нередко он задерживался перед собором Парижской Богоматери, который тогда ремонтировался, и рассматривал громоздившиеся вокруг него леса; эти громадные леса почему-то очень занимали его. Потом он мимоходом заглядывал на Винную пристань, пересчитывал извозчиков, ехавших от вокзала. Вечером, усталый, занятый какой-нибудь нелепой историей, которую рассказывали в управлении, он шел по Ботаническому саду и, если не особенно спешил, останавливался возле медведей. Он проводил здесь с полчаса, склонившись над ямой и наблюдая за медведями, которые передвигались, грузно покачиваясь; повадки этих неуклюжих животных нравились ему; он разглядывал их, приоткрыв рот, вытаращив глаза, и, как дурак, радовался и потешался их движениям. Наконец он решал, что пора домой, и отправлялся в путь, волоча ноги и разглядывая прохожих, экипажи, витрины.

Дома он сразу же пообедал, потом принимался за чтение. Он купил сочинения Бюффона и каждый вечер задавал себе урок: прочесть двадцать—тридцать страниц, несмотря на страшную скуку, которую наводило на него это занятие. Он читал также, в грошовых выпусках, «Историю Консульства и Империи» Тьера, «Историю жирондистов» Ламартина или какую-нибудь научно-популярную книгу. Он воображал, что занимается самообразованием. Иной раз он заставлял жену прослушать несколько страничек, кое-какие забавные истории, которые он читал ей вслух. Он очень удивлялся, что Тереза может просидеть целый вечер, задумавшись, молча, не ис-

пытывая желанья взяться за книгу. В глубине души он считал, что жена его глуповата.

Тереза с раздражением отстраняла от себя книги. Она предпочитала сидеть без дела, устремив взгляд в одну точку, погружившись в какие-то туманные, зыбкие мысли. Характер ее, впрочем, оставался по-прежнему ровным и покладистым; вся ее воля была направлена на то, чтобы стать существом пассивным, сговорчивым, готовым на крайнее самоотречение.

Торговля шла понемногу. Доход каждый месяц был один и тот же. Клиентуру составляли местные работницы. Каждые минут пять в лавку входила какая-нибудь девушка и покупала товара на несколько су. С покупательницами Тереза была всегда любезна; когда она занималась с ними, на лице ее появлялась заученная улыбка. Г-жа Ракен была искуснее, разговорчивее, и, по правде сказать, именно она привлекала и удерживала клиентуру.

В течение трех лет дни сменялись, похожие один на другой. Камилл ни разу не выходил днем из своей конторы; его мать и жена почти не отлучались из лавки. Живя в промозглом сумраке, в унылой, давящей тишине, Тереза наблюдала, как стелется перед нею ее бессмысленная жизнь, готовя ей каждый вечер все то же холодное ложе и каждое утро — все тот же никчемный день.

IV

Раз в неделю, по четвергам вечером, семейство Ракенов принимало гостей. В столовой зажигали большую лампу, на плите кипятили воду для чая. Это было целым событием. Такие вечера сильно отличались

от обычных; они вошли в обиход семьи как некие мещанские оргии, преисполненные безудержного веселья. В такие вечера ложились спать в одиннадцать часов.

Госпожа Ракен разыскала в Париже одного из своих прежних знакомых, полицейского комиссара Мишо, который прослужил двадцать лет в Верноне и был там ее соседом по квартире. Тогда между ними завязалась тесная дружба; позже, когда вдова продала дело и переселилась в домик у реки, они совсем потеряли друг друга из виду. Несколько месяцев спустя Мишо уехал из провинции и обосновался в Париже, на Сенской улице, где мирно проедал положенную ему пенсию в полторы тысячи франков. Однажды в дождливый день он встретил свою старую приятельницу в пассаже Пон-Нёф; в тот же вечер он обедал у Ракиенов.

Так начались приемы по четвергам. У бывшего полицейского комиссара вошло в привычку неуклонно приходить к ним раз в неделю. Потом он привел с собою тридцатилетнего сына Оливье, высокого, поджарого и худого, женатого на крошечной, болезненной и медлительной женщине. Оливье служил в полицейском управлении, зарабатывая три тысячи франков, что вызывало у Камилла жгучую зависть; он был старшим чиновником сыскного отделения. Тереза с первого же раза возненавидела этого чопорного, холодного человека, который считал, что оказывает великую честь лавочке, являя тут свою долговязую тощую особу и жалкую худосочную жену.

Камилл ввел еще одного гостя — старого служащего управления Орлеанской дороги. Гриве прослужил уже двадцать лет; он был старшим чиновником и получал две тысячи сто франков. В его обязанно-

сти входило распределять работу между сотрудниками того отделения, где состоял Камилл, и последний относился к нему с известным уважением. В мечтах Камиллу рисовалось, что в один прекрасный день, лет через десять, Гриве умрет и он, может статься, займет его место. Старик был в восторге от приема, оказанного ему г-жой Ракен, и стал с отменной точностью являться каждый четверг. Через полгода этот визит стал для него уже долгом: он шел в пассаж Пон-Нёф так же, как каждое утро направлялся в контору, — машинально, подчиняясь некоему животному инстинкту.

В таком составе собрания стали очаровательны. В семь часов г-жа Ракен затапливала камин, переносила лампу на середину стола, возле нее клала домино и перетирала чайный сервиз, красовавшийся на буфете. Ровно в восемь старики Мишо и Гриве сходились возле магазина, ибо один шел со стороны Сенской улицы, а другой — от улицы Мазарини. Они входили в лавку и вместе с хозяевами поднимались на второй этаж. Все усаживались за стол и поджидали Оливье Мишо с женой, которые постоянно запаздывали. Когда все оказывались в сборе, г-жа Ракен разливала чай, Камилл высыпал на клеенку домино и все погружались в игру. Слышно было только постукивание костяшек. После каждой партии игроки минуты две-три ссорились, затем споры умолкали, и воцарившуюся унылую тишину нарушало только сухое постукивание костяшек.

Тереза играла так равнодушно, что это бесило Камилла. Она брала на колени жирного полосатого кота Франсуа, привезенного г-жой Ракен из Вернона, одной рукой ласкала его, а другою ставила косточки. Четверги были для нее истинной пыткой;

нередко она ссыалась на недомогание, на сильную мигрень — лишь бы не играть, а сидеть без дела, в полусне. Облокотившись о стол, подперев щеку рукой, она взирала на тетиньих и мужниных гостей, и они виделись ей сквозь желтую дымку коптящей лампы. Вид окружающих приводил ее в отчаяние. Она переводила взгляд с одного лица на другое с глубоким отвращением, с глухой ненавистью. У старика Мишо была бледная физиономия, испещренная красными пятнами, — безжизненная физиономия старца, впавшего в детство; у Гриве лицо было узкое, с круглыми, как у кретина, глазами и тонкими губами; Оливье, на невыразительном лице которого резко выступали скулы, важно нес малоподвижную голову, венчавшую неуклюжее туловище, а у Сюзанны, его жены, было очень бледное, дряблое лицо с бескровными губами и растерянный взгляд. И Тереза не находила ни одного человека, ни одного живого создания среди причудливых и зловещих существ, в обществе которых ее удерживала непреодолимая сила; порою у нее начинались галлюцинации — ей казалось, будто ее бросили в какой-то склеп вместе с трупами, которые шевелят головой и двигают ногами и руками, когда их потянут за веревочку. Она задышалась в спертом воздухе столовой; трепетная тишина, желтые отсветы лампы навели на нее какой-то смутный ужас, необъяснимую тоску.

У двери, в лавке, повесили колокольчик, и его резкое позвякивание возвещало о появлении покупательниц. Тереза прислушивалась; когда раздавался звон, она спешила вниз, довольная тем, что может уйти из столовой. Она не торопясь отпускала товар. После ухода покупательницы она садилась за кон-

торку и сидела там как можно дольше, боясь вновь подняться наверх; она наслаждалась тем, что не видит перед собой Гриве и Оливье. Сырой воздух лавки умерял жар в ее пылающих руках. И она вновь впадала в свою обычную мрачную мечтательность.

Но долго так сидеть она не могла. Камилл бывал недоволен ее отсутствием; он не понимал, как можно в четверг предпочесть лавку столовой. Перегнувшись через перила лестницы, он взглядом искал жену.

— Ну что же ты? — кричал он. — Что ты там делаешь? Почему не возвращаешься?.. Гриве чертовски везет. Он опять выиграл.

Молодая женщина с трудом поднималась с места и снова усаживалась напротив старика Мишо, на отвислых губах которого блуждала отвратительная улыбка. И так до одиннадцати часов Тереза неподвижно сидела на стуле, поглядывая на Франсуа, которого она держала на руках, чтобы не видеть картонных паяцев, кривляющихся вокруг нее.

V

Как-то в четверг, вернувшись из конторы, Камилл привел с собою дюжего широкоплечего молодца, которого он фамильярно втокнул в магазин.

— Узнаешь, мать, этого господина? — спросил он у г-жи Ракен, указывая на вошедшего.

Старая торговка взглянула на незнакомца, порылась в памяти, но ничего не вспомнила. Тереза наблюдала сцену с обычным равнодушием.

— Да что же это ты? — продолжал Камилл. — Неужели не узнаешь Лорана, малыша Лорана, сынишку дядюшки Лорана, у которого такие прекрасные

пашни около Жефоса?.. Забыла?.. Я с ним вместе ходил в школу; он забегал за мной по утрам, по пути от своего дядюшки, который жил рядом с нами; и ты его еще угощала хлебом с вареньем.

Вдруг г-жа Ракен вспомнила; но с тех пор малыш Лоран чудовищно вырос. Она не видела его по крайней мере лет двадцать. Ей захотелось загладить впечатление от приема, который она ему оказала в первые минуты, и она стала изливаться в воспоминаниях, расточая чисто материнские ласки. Лоран сел; он тихо улыбался, отвечал ей ясным голосом, обводил лавку спокойным, непринужденным взглядом.

— Представьте себе, — сказал Камилл, — этот проказник уже полтора года служит на Орлеанской железной дороге, а мы встретились и узнали друг друга только сегодня! Правда, наше управление — колоссальное, это сложнейший механизм.

При этих словах молодой человек вытаращил глаза и поджал губы: он был невероятно горд, что является скромным колесиком в такой большой машине. Он продолжал, покачав головой:

— Но ему живется недурно; он получил образование, он зарабатывает уже полторы тысячи франков... Отец отдал его в коллеж; он изучал право, учился живописи. Так ведь, Лоран?.. Оставайся обедать.

— Охотно, — без обиняков ответил Лоран.

Он снял шляпу и уселся в магазине. Г-жа Ракен поспешила в кухню. Тереза, еще не промолвившая ни слова, разглядывала гостя. Никогда в жизни ей не доводилось видеть такого мужчины. Лоран — высокий, сильный, румяный — изумлял ее. Она с каким-то восторгом рассматривала его низкий лоб, обрамленный жесткой черной шевелюрой, полные щеки,

яркие губы, правильные черты лица, отмеченного какой-то полнокровной красотой. На мгновение она задержала взгляд на его шее; шея у него была широкая и короткая, жирная и могучая. Потом она стала разглядывать его крупные руки, которые он держал на коленях; концы пальцев у него были квадратные; его кулак мог бы сразить быка. Лоран был подлинный крестьянский сын, сутулый, с несколько тяжеловесными повадками, с медлительными и точными жестами, спокойный и упрямый на вид. Под одеждой у него чувствовались выпуклые, разработанные мускулы, тело полное и плотное. И Тереза с любопытством рассматривала его, переходя от рук к лицу, а когда она останавливала взгляд на его бычьей шее, по ней пробегали легкие мурашки.

Камилл разложил томики Бюффона и грошовые брошюры, чтобы показать приятелю, что и он занимается. Потом, как бы отвечая на вопрос, который уже несколько минут вертелся у него в голове, он обратился к Лорану:

— А ведь ты, должно быть, знаешь мою жену? Помнишь двоюродную сестренку, которая играла с нами в Верноне?

— Я сразу же узнал мадам, — ответил Лоран, смотря Терезе прямо в лицо.

От этого взгляда, устремленного на нее в упор и словно проникавшего в нее, молодой женщине стало как-то не по себе. Она натянуто улыбнулась, перемолвилась с Лораном и мужем несколькими словами и поспешила уйти на кухню. Ей было тяжело.

Сели за стол. Камилл решил, что долг вежливости требует поинтересоваться жизнью приятеля, и, как только подали суп, спросил:

— Как поживает твой отец?

— Да не знаю, — ответил Лоран. — У нас размолвка; уже лет пять, как не переписываемся.

— Что ты говоришь! — воскликнул чиновник, пораженный такой чудовищной новостью.

— Да, у любезного папаши свои особые идеи... Он беспрестанно судится с соседями, поэтому он и отдал меня в коллеж; он мечтал, что я буду у него адвокатом и стану ему выигрывать тяжбы... Да, у папаши Лорана на уме только выгода; он хочет, чтобы даже причуды его приносили доход.

— А ты не захотел стать адвокатом? — спросил Камилл, все больше и больше удивляясь.

— Ни малейшего желания, — со смехом отвечал приятель. — Два года я делал вид, будто слушаю лекции, чтобы получать стипендию, которую высылал мне отец, — сто франков в месяц. Я жил тогда со школьным товарищем, который стал художником, и я тоже начал заниматься живописью. Мне это нравилось; ремесло занятное, легкое. Мы целыми днями курили, болтали...

Ракены таращили глаза.

— К сожалению, — продолжал Лоран, — так не могло долго продолжаться. Отец проведал, что я вожу его за нос; он сразу же лишил меня ста франков в месяц и предложил вернуться домой и вместе с ним копать землю. Тогда я попробовал было писать картины на божественные сюжеты; дело не пошло... Я понял, что впереди у меня — голодная смерть, послал искусство ко всем чертям и стал искать должность... Но отец умрет же когда-нибудь; вот я этого и дожидаясь, а там заживу, ничего не делая.

Голос Лорана звучал спокойно. История, рассказанная им в нескольких словах, давала о нем исчерпывающее представление. В сущности, это был лен-

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕРЕЗА РАКЕН. *Перевод Е. Густа* 5

РАССКАЗЫ

Плечи маркизы. *Перевод Т. Ивановой* 265

«Приманки». *Перевод Т. Ивановой* 270

Жертва рекламы. *Перевод Т. Ивановой* 282

Мадам Сурдис. *Перевод Т. Ивановой* 290

Осада мельницы. *Перевод Е. Густа* 341

Золя Э.

- З 81 Тереза Ракен : роман, рассказы / Эмиль Золя ; пер. с фр. Е. Гунста, Т. Ивановой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 384 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-13863-6

«Тереза Ракен» — ранний роман великого писателя Эмиля Золя, сразу снижавший молодому автору широкую известность. Эта яркая история безудержной страсти, предательства и преступления является подлинной жемчужиной французской литературы XIX века. Тереза Ракен — юная девушка, вынужденная выйти замуж за своего двоюродного брата. Ее жизнь протекает вяло и однообразно до тех пор, пока в доме не появляется Лоран, неудавшийся художник, мечтающий о богатстве...

В настоящее издание также вошли наиболее известные рассказы автора: «Плечи маркизы», «Осада мельницы» и другие.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ
ТЕРЕЗА РАКЕН

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректоры Валерий Камендо, Ирина Сологуб
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 30.10.2017. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 16,92.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-AKB-22059-01-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/